

НАШ СОВРЕМЕННОК

70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. С. ПРОКОФЬЕВА

МУЗЫКА ПРОКОФЬЕВА звучит во всем мире, о ней написано немало статей и книг. Казалось бы, она раскрыта перед нами до конца. Но, возвращаясь к ней, каждый раз по-новому ощущаешь ее значение, видишь ее удивительную многогранность. Так и сейчас, когда отмечается семидесятилетие со дня рождения замечательного советского композитора, с особенной силой осознается жизненность, перспективность его музыки: она устремлена вперед, в будущее, куда летела вечно ищущая, беспокойная творческая мысль Прокофьева.

Устремленность к новому выражалась у него различным: в неустанных поисках тем и сюжетов, интонаций и гармоний, в ненависти к повторению уже сказанного, к эпигонству. Однако самое главное заключалось не в этом, а в жадном интересе к тому, что возникало в жизни, в желании откликнуться на нее, идти вместе с ней. Острота жизненного восприятия порождала юношеские произведения, казавшиеся ревнивателям академических традиций дерзким отрицанием основ. Их юный автор не очень ясно представлял себе суть нарастающих событий, но всем сердцем чувствовал необходимость обновления, дышал крепчайшим свежим ветром, веющим от таких произведений, как Первый фортепьянный концерт, Вторая соната для фортепьяно и другие. И тогда же в музыке Прокофьева появилось гуманистическое начало, вдохновившее прекрасную сказку «Гадкий утенок», выступающее в обаятельной лирике по-русски распевной побочной темы

Третьей фортепьянной сонаты.

Новаторским было творчество молодого Прокофьева, выросшее на богатейшей почве русской классической традиции. И когда он оказался за рубежом, где провел долгих пятнадцать лет, то именно она помогла ему сохранить свою индивидуальность среди натиска всевозможных модернистических влияний, создать произведение непреходящей художественной ценности, каким является, например, Третий фортепьянный концерт. Но отрыв от родной почвы не мог не сказаться: Прокофьев достиг мировой славы и известности, его произведения охотно исполнялись крупнейшими музыкантами, и все же он переживал творческий кризис, исход которого мог быть различным.

Прокофьев выбрал правильный путь и в 1933 году возвратился на родину. У многих возникал в то время вопрос: сумеет ли этот большой композитор, столько лет живший вдали от нашей страны, почувствовать сразу пульс ее жизни и отобразить его в своем творчестве? Находились и некоторые недалековидные критики, заранее дававшие отрицательный ответ на этот вопрос. Как они ошибались! Именно по возвращении на Родину раскрылось все огромное богатство прокофьевского дарования, проявились его чуткость к зову современности и готовность отдать все свои силы

делу родного искусства. Мы стали свидетелями мощного взлета великого дарования Прокофьева, создавшего произведения, составляющие гордость советского музыкального искусства.

Многие из нас — людей старшего и среднего поколения — были свидетелями их первых исполнений, участниками возникших вокруг них горячих дискуссий. Как разнообразны эти произведения, какой широкий кругозор открывают они перед каждым, кто вслушивается в их звучание! Вспомним хотя бы об огромном впечатлении, произведенном кантатой «Александр Невский», а затем оперой «Война и мир» и Пятой симфонией. Какой могучий размах получила в них современная русская музыка, каким глубоко национальным композитором выступает в них Прокофьев, по-настоящему, творчески усвоившим уроки своих учителей — Римского-Корсакова и Лядова. Он слыл непослушным учеником, но воспринял от них главное, и в его лучших произведениях бьет живой родник русской музыкальной мысли.

Прокофьев создал чудесную, единственную в своем роде симфоническую сказку «Петя и волк», он подарил маленьким музыкантам сюиту «Зимний костер» и сборник фортепьянных пьес, без которых невозможно представить себе современный педагогический репертуар. А с другой стороны, им написаны сонаты для фортепьяно, среди которых выделяется Седьмая с ее удивительным финалом, этой русской богатирской токкатой, проникнутой поистине эпическим размахом. Седьмая

соната, появившаяся в грозные годы войны, стала одним из выдающихся произведений советской музыки.

Если героика военных лет нашла отображение в ряде произведений Прокофьева, в том числе в Пятой симфонии и опере «Повесть о настоящем человеке», поставленной в этом сезоне на сцене Большого театра СССР, то рядом с ними как непосредственный отклик на то, что волнует миллионы людей всех стран, возникла оратория «На страже мира». Нужно ли говорить о том, какое значение имело обращение одного из крупнейших композиторов нашего века к этой теме!

Уже на закате своей жизни Прокофьев написал Седьмую симфонию, музыка которой пленяет высокой лирической поэзией, чистотой и благородством чувства, свободно льющейся песенной мелодией чисто русского склада. Седьмая симфония сразу же завоевала признание, ее музыка дошла до сердца слушателей и была отмечена высшим общественным признанием: автор был удостоен за нее посмертно Ленинской премии.

ПРОКОФЬЕВ говорил языком русской музыки нашего времени, показал пример смелого и глубоко органичного претворения наших песенных традиций. Почти никогда не обращаясь к подлинным песенным мелодиям, более того, считая принципиально важным пользоваться лишь своим тематическим материалом, он оставался русским композитором даже там, где обращался к темам из жизни других народов.

Такова и его музыка «Ромео и Джульетты». Как своеобразно, по-прокофьевски, раскрыта в ней шекспировская тема — в каждом эпизоде виден почерк композитора, чувствуется обаяние его лирики, его драматический размах. И как все это по-русски! Так же, как и в совершенно ином по стилю и характеру великом творении Чайковского — увертюре-фантазии «Ромео и Джульетта». Шекспировский балет Прокофьева в такой же мере создание современного русского искусства, как и «Каменный цветок», овеянный поэзией уральских сказов.

Смелое развитие русской классической традиции мы видим в «Алексаандре Невском», где так замечательно воссозданы героический строй эпического распева и широта дыхания протяжной песни. Могучей эпической силой веет от таких эпизодов «Войны и мира», как народные хоры в сценах на Бородинском поле и старой Смоленской дороге, как величаво спокойная, полная веры в народ ария Кутузова. А в сцене бала оживает традиция русских вальсов, идущая, вероятно, от столь любимого Прокофьевым «Вальса-фантазии» Глинки. Слушая эти и многие другие страницы прокофьевской музыки, ясно видишь органичность развития русского начала от ранних произведений вплоть до великолепной в пластичности песенной мелодии первой части Седьмой симфонии.

Это имеет громадное принципиальное значение, особенно в наше время, когда представители реакционного буржуазного искусства ведут яростную атаку на принцип народности национального искусства, объявляют его отжившим и несовременным. Творческая практика Прокофьева и многих других крупнейших композиторов современности начисто опровергает эти «теории». Вот музыка подлинно современная, новаторская и одновременно яркая в своей национальной

характерности! Прокофьев показал еще раз, что сила композитора — в тесной связи с родной почвой, умении слушать жизнь и говорить со слушателем на родном языке, говорить со своей собственной интонацией, отличающейся от других голосов, говорить образно, взволнованно, убедительно, развивая все богатство звучащих вокруг нас песенных интонаций, как этому учили классики русской музыки. Пример Прокофьева поучителен для всех композиторов, в особенности для молодых, чей творческий облик находится в процессе формирования.

Прокофьев являет еще один пример — высокого мастерства, дисциплины труда и высокого чувства ответственности. В его зрелых произведениях нет ничего лишнего, недоделанного, не точно сказанного, он стремился к полной ясности высказывания и умел ценить это качество у других. Композитор был неутомимым тружеником, знавшим цену времени и старавшимся отдать его целиком творчеству. Работоспособность Прокофьева была поистине изумительной даже в те годы, когда он боролся с развивающейся тяжелой болезнью. Композитор горел желанием отобразить в своей музыке все, что волновало его, все, что пруждало творческие раздумья. А их было много и с каждым годом становилось все больше, ибо вокруг кипела бурная и смелая жизнь, в которой на каждом шагу рождалось новое, неслыханное, дерзновенное, к чему он сохранил чуткость и отзывчивость вплоть до конца своих дней. Ибо Прокофьев был по настоящему современным композитором и остался таким для наших дней.

Прокофьевские концерты и спектакли идут сейчас один за другим, идут в перепол-

ненных залах, привлекая внимание широких кругов любителей музыки. Это говорит о многом — о росте интереса к советскому музыкальному искусству и о неизмеримо возросшем общественном признании творчества такого замечательного его представителя, каким является Сергей Прокофьев.

Хочется сказать еще одно. Значение композитора познается в полной мере, когда он находит чутких и проникновенных истолкователей в кругу талантливейших музыкантов — современников. Прокофьев нашел их, и они помогли всем нам лучше узнать богатства его музыки. Изумительным исполнителем прокофьевских фортепьянных произведений является С. Рихтер, у которого самое сложное становится простым и ясным. Великолепно играют Прокофьева Э. Гилельс и В. Софроницкий («Сарказмы»), Л. Оборин и совсем еще молодой В. Ашкенази. Скрипичная и виолончельная музыка советского мастера неразрывно слита для нас с именами Д. Ойстраха и М. Ростроповича, вокальная — с именем З. Долухановой. К этому надо прибавить имена дирижеров, так много сделавших для распространения прокофьевской музыки, — С. Самосуда, Е. Мравинского, К. Иванова, А. Гаука и других.

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ со дня рождения Сергея Прокофьева — это не только памятная дата музыкального календаря, но также и большое событие нашей культурной жизни. Прочное место заняли в ней «Александр Невский», «Война и мир» и многие другие произведения советского художника. Они не стареют, остаются молодыми, и в них слышится голос нашего современника. Им был и остался Сергей Прокофьев.

И. МАРТЫНОВ.